

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ

УДК 882.091

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ В РУССКОЙ КРИТИКЕ (2-я половина XVIII – начало XIX в.)

В.Н. Крылов

Аннотация

Статья посвящена зарождению жанра рецензии в русской критике. Выделены функциональный и прагматический аспекты первых опытов рецензирования. Анализ ведётся в аспекте таких проблем, как становление института литературы, развитие журналистики, статус писателя, демократизация художественного сознания. Выявлено, что во 2-й половине XVIII – начале XIX века происходит осознание значимости этого жанра для развития литературы, формирования читательского вкуса, закладывается теория рецензии. В то же время в прагматике жанра долгое время сохранялось неприятие критической оценки. Результатом проведённого исследования становится реконструкция эволюции жанра рецензии в истории русской литературы и журналистики.

Ключевые слова: история русской критики, журналы, рецензия, сентиментализм, институт литературы, М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин.

Вопрос о зарождении жанра рецензии напрямую связан с вопросом о положении литературной критики в XVIII веке, о репутации литературы и фигуры автора в это время. Была ли критика в XVIII веке? Или это было нечто среднее между полемикой и «литературной войной» [1]? Мнения исследователей по этой проблеме расходятся. Одни находят истоки русской критики во 2-й половине XVIII века, другие относят её возникновение целиком к эпохе романтизма. Различия в точках зрения исследователей обусловлены тем, что одни используют институциональный подход, а другие – традиционный конкретно-исторический.

При изучении зарождения критики в России важно учитывать несколько принципиальных особенностей литературной ситуации и статуса писателя в XVIII веке. В России процесс становления социального института литературы¹

¹ Термин *институт*, широко применяемый в обществоведении, социологии, обозначает «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» [2, с. 117]. Как социальный институт может быть рассмотрена и литература. Все социальные институты используют доступные им средства для формирования картины мира. Писатель должен вести себя в соответствии с принятыми в обществе представлениями об этой роли. Между главными субъектами художественной жизни –

происходит с опозданием почти на целый век по сравнению с Западной Европой. Как отмечал В.М. Живов, процесс профессионализации литературы в России развивался на совершенно ином фоне, чем в Западной Европе [3, с. 24–25]. Примерно до 60-х годов XVIII в. в России литературные институции отсутствуют, а в Западной Европе статус литературы закреплялся в таких институциональных формах, как литературные академии, читательские сообщества, литературные салоны; раньше возникает и пресса, продающая новости образованной публике, книжный рынок, раньше, соответственно, складывается и критика.

В работах, посвящённых социальным предпосылкам становления литературы как особого *института*, прослеживается и становление критики (см. [4, 5]). Именно романтики, развивая антропологические идеи теоретиков Просвещения, «вводили в представления о литературе, в систему смысловой интерпретации фактов культуры принцип и структуры субъективности, причём субъективности как автора, так и истолкователя (адресата – критика, читателя) в их взаимосвязи» [4, с. 7]. В романтизме формируется язык критической рефлексии, закладываются риторические основы критических жанров (обзорная и проблемная статья, статья-трактат, диалог, фрагмент, афоризм). Именно тогда утверждается и самостоятельная авторитетность литературной критики, осознаётся роль критики в литературе и общественной жизни. Вальтер Беньямин поставил вопрос о том, что в романтической критике впервые зародилось самосознание критической деятельности, возникла проблема её задач и функций [6]. Как верно отмечал Е.С. Громов, критика в эпоху классицизма не была ещё критикой «в том её герменевтическом смысле, какой ей придают романтики и который знаменует её переход в автономную эстетическую систему» [7, с. 8]. Однако подход, нацеленный на институциональное изучение литературы, не может быть единственным. Разумеется, критики как эстетической системы² в XVIII в. не было, но «не следует недооценивать начальных шагов нашей критики» [8, с. 60].

Генезис русской критики тесно связан с процессами постепенного обособления литературы и осознания её как самостоятельной области деятельности. При этом секуляризация культуры в области литературы, свершившаяся в результате Петровской реформы, несла в себе внутреннее противоречие. «Писательство частного лица... не подвержено критике, если оно предпринято ради развлечения и удовольствия. Как только произведение выходит в свет, к нему начинают предъявляться общие для эпохи требования. В условиях, когда литературная деятельность являлась монополией государства, естественно, таким критерием стала государственная, общественная полезность» [9, с. 106].

К середине XVIII в., когда «изящная словесность стала признаваться не только развлечением приватным, но серьёзным делом, имеющим национальное значение, возникли психологические предпосылки для внутренней саморегламентации

художниками и публикой – возникают посредники, берущие на себя функции соединения произведений с их аудиторией. Такими посредниками становятся различные организации, сообщества, в том числе критики. Литературная критика с точки зрения институционального подхода формирует общественное мнение в его эстетических аспектах.

² Как самостоятельная область литературного творчества, специальный институт художественной культуры, критика в процессе развития складывается в систему, главными элементами которой выступают: сама литература, текущий литературный процесс, его субъекты и рецепиенты, критика с её основными жанрами, а также средства массовой информации (для критики это газетные и журнальные органы).

литературы как путём создания руководств и наставлений, *так и с помощью литературной критики*» [9, с. 112] (курсив наш. – В.К.).

Г.Н. Теплов в статье «О качествах стихотворца рассуждение» (1755), сетуя на «число умножившихся ныне в свете авторов», возлагает надежду на критику: «Опасность сия отвергается одним тем только способом, когда помогать нам будут особливые писатели, которые различать станут добрых авторов от худых и покажут путь к забвению одних, а к припоминанию других. <...> Разбор писателей есть наилучший и безопаснейший способ быть учёным человеком, и он потребен для всякой особы в свете науки и для всякого склонность имеющего человека к наукам» (РЛК, с. 57).

Однако попытки обращения литераторов к критике были сопряжены и со «страхом перед выходом в ещё неизвестную публичную сферу» [10, с. 67]. Как показал М. Левитт, рассмотревший известное «Письмо...» В.К. Тредиаковского в связи с проблемой создания русской литературной критики, «ввиду почти полного отсутствия критического дискурса в России той эпохи подобный отзыв о Сумарокове, пусть и анонимный, мог сыграть роль политического доноса. <...> Тредиаковский остро почувствовал на себе всю тяжесть сумароковской сатиры и хорошо осознал уязвимость литератора в русском обществе. Причину её он видел, в частности, в отсутствии посредствующей литературной критики и сам взялся восполнить этот пробел»³ [10, с. 71].

Как известно, ранняя русская критика носила синтетический характер, сливаясь с лингвистикой, поэтикой, риторикой. Синтетический характер русской критики приводил к тому, что она очень медленно «обособлялась от других видов литературной деятельности, медленно возникала и жанровая антиномия» [11, с. 43]. Сказанное имеет прямое отношение к появлению рецензии, в котором решающую роль сыграло развитие журналов, инициированное в 60-е годы XVIII в. Екатериной II. На эти факторы обратил внимание Ю.В. Стенник: «То, что вопросы литературной борьбы отныне становились достоянием широких читательских кругов, делало невозможным сохранение прежних, во многом связанных со схоластической наукой, форм литературной критики <...> С одной стороны, в критических выступлениях всё отчетливее ощущается ориентация на сатиру. С другой стороны, полемика начинает сочетаться с выполнением *информативной* функции, нередко носившей идеологическую окраску. Скрупулёзные разборы уступают место сжатым сводкам о *новостях* литературной жизни» [12, с. 75–76] (курсив наш. – В.К.).

Дополнительным, но не менее важным фактором, способствовавшим зарождению рецензий, становится постепенная общая демократизация литературного сознания. Ю.В. Стенник приводит пример характерного признания, которое сделает Н.И. Новиков в предисловии к 3-му изданию «Живописца» в 1775 г.: «...у нас только те книги третьими, четвёртыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям по незнанию их чужестранных языков нравятся». То есть не мнение двора и меценатов, а мнение публики, мнение широкого читателя или широкого зрителя становятся решающим фактором

³ В специальном значении («разбор, оценка художественных произведений, а также особая область научно-литературного творчества») слово *критика* в России впервые употребил, скорее всего, именно В.К. Тредиаковский в 1750 г.

в определении популярности книги или театральной пьесы. Но соответственно на нужды этой широкой читательской массы оказывается ориентирована и литературная критика» [12, с. 86].

Когда впервые стали публиковаться отзывы на появление новых книг? Мнения историков критики и журналистики на этот счёт расходятся, и вряд ли это возможно установить с абсолютной точностью. Известно, что значительная часть первых опытов критики имела устный характер. Можно допустить, что и первые прообразы рецензий тоже были устными. Г.А. Гуковский, характеризуя ранний этап русской критики, отмечал, что оценочные суждения можно было найти и в общетеоретических работах, в тесном переплетении с научными, историческими и нормативными суждениями в области литературы и языка, в предисловиях, полемических произведениях, стиховедческих трактатах, в переписке [13, с. 103].

Б.Ф. Егоров приводит пример небольшой антикритики А.П. Сумарокова на противников его журнала (возможно, речь идёт о С.И. Писареве): «”Писарь! ты хулишь издания под именем “Трудолюбивой пчелы”, болтая, что в них только стихи: ето неправда, не одни стихи в них, да и стихов никто кроме тебя и тебе подобных невеж не уничтожает. А о себе ты бредишь так: я бы перевёл Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста; но кто бы узнал их в твоём переводе? Я тебе скажу на ето прибаутку. Просила некогда жена мужа, чтобы он украл ей пшеницы испечь пироги, потчивать гостей. Муж говорил: у нас от роду пшеничных пирогов не бывало, так узнают то все, что пшеница украдена. Не твоё то дело, говорила она, я так испеку пироги, что они черняе оржаных будут”. Что это: сатира, критический рассказ, полемическая статья, притча, рецензия? Очевидно, здесь можно найти черты всех этих (и ещё других) жанров, но они не отделены один от другого» [11, с.44–45].

Но уже, к примеру, «Критику на оду» А.П. Сумарокова (датирована 1747–1748 или 1750–1751 гг.), посвящённую разбору «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы 1747 года» М.В. Ломоносова, можно рассматривать как своего рода отрицательную рецензию (хотя она, как и многие критические тексты XVIII в., не была опубликована при жизни автора).

Важно заметить, что уже в середине XVIII в. начинают задумываться о *принципах рецензирования*. В этом отношении нельзя не вспомнить такой известный текст, как «Рассуждение об обязанностях журналиста...» М.В. Ломоносова (1755). Хотя текст Михаила Васильевича, вызванный нападкамии на его труды в одном из лейпцигских журналов, относится прежде всего к критике научных сочинений, но принципы рецензирования⁴, на которых настаивает М.В. Ломоносов, имеют всеобщее значение, в том числе и для критики *литературной*. Он писал: «Что же касается журналов, то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах» (РЛК, с. 47). Для рецензентов, уклоняющихся от указанной цели, М.В. Ломоносов и пытается

⁴ Возможно, именно в данном тексте Ломоносова впервые встречается термин *рецензия*.

«наметить надлежащие грани, в пределах которых им подобает держаться и ни в коем случае не переходить их» (РЛК, с. 49). Необходимо справедливо судить обо всех авторах, изгнав «из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость, и не требовать, чтобы авторы, о которых мы берёмся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну» (РЛК, с. 50).

Первые упоминания литературных произведений в печати появились в России с изданием газет, в частности «Санкт-Петербургских ведомостей» (1727), и долгое время эти «уведомления» содержали лишь чистую информацию о вновь вышедших книгах. Одним из первых журналов, начавших оповещать читателей о художественных произведениях, был журнал «Ежемесячные сочинения», где в 1763 г. был введён отдел «Известия о учёных делах»⁵. Среди информационных сообщений, помещённых там, в литературно-критическом отношении интерес вызывают «известия о новых журналах» и известия о книгах: «Похождения Сифа» аббата Жана Террасона, «Нравоучительные басни» Фёдора Эмина, «Саламанкский бакалавр» Ален-Рене Лесажа, «Приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, «Сатиры» Горация и «Сатиры» Антиоха Кантемира.

Весьма любопытную форму критической оценки предложил журнал «Всякая всячина», курировавшийся императрицей. В № 5 за 1769 г. было помещено письмо некоей Агафьи Хрипухиной (постоянного «корреспондента» журнала) с просьбой дать средство от бессонницы из-за мужниного храпа. Последовал ответ издателей: «Ложась спать, чтобы она изволила прочесть потом шесть страниц Тилемахиды, и крепко надеемся, что сим способом уже она не услышит храпление своего супруга» (ВВ1, с. 16). Потом журнал опубликовал ответ Агафьи Хрипухиной; «Весьма Вам благодарствую. Употребила я Ваше лекарство от бессонницы, и теперь очень крепко и хорошо зачала спать, хотя я ещё полного урока и ни в который вечер не дочитала» (ВВ2, с. 46–47). Любопытен и своего рода *гендерный* аспект отношения к оценке, выраженный «любительницей» «Всякой всячины»: «Критика нашему полу нимало не прилична, и я Вам повторяю, что только по просьбе моей приятельницы опишу здесь, как она занемогла от представленной комедии» (ВВ3, с. 44–46).

Но в целом, несмотря на насмешливые нападки на В.К. Третьяковского, «Всякая всячина» декларировала скорее принцип «поощрения» сочинителей, нежели выявления у сочинений недостатков. Обращаясь к своей недовольной читательнице, редакция подчёркивала: «Для сочинительницы сего списка мы почитаем за нужно перевести французскую пословицу: критика легка, но искусство или ремесло не легко. В теперешнем положении наук у нас мы думаем, что гораздо нужнее поощрение сочинителям, переводчикам и молодым людям, кои посвящают себя наукам, нежели строгая критика. <...> Мелкие пороки находятся в совершеннейших сочинениях. Но вообще, чем более будет переводов и сочинений, тем более будем иметь надежды получить со временем лучшие, а может быть, и совершеннейшие. Башни не строят начиная с верху, но напротив того снизу» (ВВ3, с. 45–46).

⁵ На этот факт обратила внимание В.В. Петрушкова [14, с. 3].

Ю.В. Стенник обращает внимание на раздел новиковского «Трутня» – сатирические «Ведомости». В сообщениях о новостях литературной жизни, в отзывах о новинках литературы из писем корреспондентов «складываются предпосылки такой формы литературной критики, как рецензия». Таковы, например, отзывы о комедиях «неизвестного» сочинителя (опубликованных в Ярославле в 1772 г.) «О, время» и «Именины госпожи Ворчалкиной», которые напечатаны в «Живописце», а также две публикации в «Пустомеле» [12, с. 86–87].

Значительный сдвиг в развитии критических жанров происходит в 70-е годы: в 1777 г. появляется первый критико-библиографический журнал «Санкт-Петербургские учёные ведомости», издаваемый Н.И. Новиковым. Позиция относительно критики была выражена в предисловии к первому номеру журнала, где декларируется умеренность в критике с признанием права выражения *свободного* мнения о сочинении: «Но как критическое рассмотрение издаваемых книг и прочего есть одно из главнейших намерений при издании сего рода листов и поистине может почитаться душою сего тела, то и испрашиваем мы у просвещённой нашей публики, да позволится нам вольность благодарной критики. Не желание оуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная; почему и не уповаем мы сей поступкою нашею огорчить благоразумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что во критике нашей будет наблюдаема крайняя умеренность и что она с великою строгостию будет хранима во пределах благопристойности и благонравия. Ничто сатирическое, относящееся на лицо, не будет иметь места в “Ведомостях” наших; но единственно будем мы говорить о книгах, не касаясь нимало до писателей оных. Впрочем, критическое наше рассмотрение какой-либо книги не есть своенравное определение участи её, но объявление только нашего мнения об оной. Сами господа писатели, издатели или переводчики оных могут присылать возражения на наши мнения, которые мы, подучив, охотно поместим в наших “Ведомостях”, если только в сочинении сем наблюдаемы будут принятые нами правила благопристойности и если сочинитель оного подпишет к нам своё имя. Могут сие делать и другие, кому не понравится какое-либо наше мнение и кому за благо рассудится оное опровергнуть; но наблюдая скромность и благонравие и подписываясь притом под своим опровержением» (РЛК, с. 204–205).

В 1778 г. специальный раздел, посвящённый литературной критике, вводит журнал «Санкт-Петербургский вестник»⁶, издаваемый Г.Л. Брайко. Раздел «Известия о новых книгах» в № 1 за 1778 г. открывался обращением издателя: «Кажется, излишне будет доказывать обстоятельно великую пользу, проистекающую от *критических известий о напечатанных вновь сочинениях*. Писатели, или издатели новых творений; учёные или только любопытные читатели; любители книг, покупатели и продавцы оных; и проч. в рассуждении сего могут быть с нами одного мнения; а наипаче пример всех европейских народов есть кратчайшее и лучшее доказательство. И посему, легче нам сие предприятие

⁶ Полное название журнала: «Санкт-Петербургский вестник, содержащий все указы Ея Императорского Величества и правительствующего Сената; известия о достопамятных происшествиях в столицах, в наместничествах и губерниях; *расписание всем выходящим в государстве новым книгам*, с кратким рассуждением об оных; разные мелкие Сочинения, для полезного и приятного чтения; перечень важных событий, новостей и пр.» (курсив наш. – В.К.).

оправдать, нежели оное исполнить, так чтобы все наши читатели нами совершенно довольны были. Мы видим трудности подлежащие нам в сем пути, чувствуем сколько суть тесны пределы наших сил; и не надеясь в оном достигнуть до высочайшей степени совершенства, не преминем всеусердно стараться, к оному сколько возможно приблизиться» (СПВ1, с. 56) (курсив наш. – В.К.).

Из «правил», сформулированных издателем, обращают на себя внимание два: «Подщимся удаляться от всяких niskих ласкательств, равно как и от несправедливого порицания. Желали бы мы не взирать ни на чин, ни на славу авторов, но единственно на содержание и достоинство их произведений... умягчая строгость критик иметь больше склонности хвалить, нежели порочить. <...> Мы никогда себя не будем поставлять решительно судьями писателей, ниже дерзновенно мечтательными наставниками почтенного общества; но станем всегда помнить, что нам должно быть друзьями и почитателями первых, и верными и искренними служителями последнего» (СПВ1, с. 57–58).

На страницах этих журналов помещались и традиционно библиографические «уведомления» о произведениях литературы (например: «“Клад” – комедия в одном действии г. Лессинга, переведена вольно с немецкого в СПб, 1779 г.»), и различные аннотации и отзывы, предвосхищающие рецензии. Так, журнал открывался следующим отзывом: «Повествователь древностей Российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии Российской, изд. Н. Новиковым» (1778, № 1). Это был «своеобразный прообраз библиографического отдела, где преобладающей была отборочно-рекомендательная функция критики» [15, с. 242].

В журнале, как подмечено В.В. Петрушковой [14, с. 3–4], в наибольшем количестве были представлены аннотации, которые можно разделить на две группы. В первую входят сообщения, содержащие лишь краткий пересказ текста, например: «Добрые солдаты, опера комическая, соч. на российском языке. В СПб, 1779 г. Полет, добрый солдат, подозревая любимую свою девку Пленуру в краже, отдумал на ней жениться; Замир, добрый офицер, влюбляясь страстно в Пленуру, мирит её со старым её любовником; Бурмин, добрый сержант, вежливо обходящийся с солдатами и Пленурою, находит в ней свою сестру. Сие есть главное начертание сея комической оперы» (СПВ2, с. 376). Такого же рода аннотация сопровождает сообщение о поэме М.М. Хераскова «Россияда» и ряде других произведений.

Во вторую группу входят «уведомления», состоящие из краткой оценки книги и приведения текстового фрагмента. Они давали представление о слоге писателя или качестве перевода. Таково извещение о только что вышедшем в России переводе романа Иоганна Вольфганга фон Гёте «Страдания молодого Вертера» (1780): «Основание сего романа есть историческое и притом обыкновенное, но воздвигнутое на оном высоких мыслей здание, пленяющее приятностью своею чувство, есть превосходнейшее в своём роде; в Германии приобрело оно зодчему своему г. Гёте великую честь и славу» (СПВ3, с. 138).

И хотя подобные отзывы ещё нельзя назвать рецензиями, тем не менее именно они явились своеобразным фундаментом для возникновения ведущего жанра критики. В них «проглядывают очертания критического суждения, явно рассчитанного на контакт с читателем» [16, с. 96]. Провозглашённая установка

любопытно проявлялась в зачинах и концовках публикуемых известий о новых книгах. Начало и заключительный вывод «сообщения» были обращены к читателю и информировали о пользе сочинения для общества. Так, рецензия на «Слово похвальное Марку Аврелию», сочинённое Г. Томасом, членом французской Академии (1777), начинается тезисом «Сия книга в рассуждении различных преданий заслуживает внимание общества» (СПВ4, с. 133), а завершается выводом: «Сия книга печатана весьма исправно и с немалою типографской красотою; чем поистине дурное сочинение не сделается хорошим, а хорошее принести может читателю сугубое удовольствие» (СПВ4, с. 137).

Качественно новым этапом в становлении критических жанров явились 90-е годы. В журналах «Санкт-Петербургский Меркурий», «Московский журнал», «Приятное и полезное препровождение времени», «Новости», «Иппокрена», «Российский магазин», «Зритель» и им подобных вместе с аннотированными уведомлениями и отзывами появляются первые рецензии на художественные произведения. Особенного внимания заслуживает «Московский журнал» (1791–1792).

Существуют разные точки зрения в вопросе о том, кто первым сделал литературную критику составной частью журнала и ввёл постоянный раздел литературных рецензий. И.З. Серман отдаёт приоритет И.Ф. Богдановичу: «В “Собрании новостей” Богданович ввёл как новинку для русской журналистики своего времени постоянный отдел критических рецензий на новые книги. До “Собрания новостей” такого отдела не было ни в одном журнале. И, вводя его, Богданович ещё раз показал себя писателем, живо откликающимся на новые потребности русских читателей» [17, с. 100].

Однако большинство исследователей склоняются к приоритету Н.М. Карамзина, который ввёл в основанном им «Московском журнале» постоянный отдел критики и библиографии. Именно в деятельности Николая Михайловича, по существу, был узаконен жанр рецензии, окончательно оформившись. «Главное отличие состояло в том, – отмечает Н.Д. Кочеткова, – что рецензии стали более развёрнутые; пересказ содержания тоже занимал в них существенное место, но оценки сделались более всесторонними и глубокими, приобретая общетеоретический характер: на первый план выдвигались эстетические проблемы» [18, с. 128]. Фактологическая сторона деятельности Н.М. Карамзина-критика и -журналиста изучена достаточно полно, нас же интересуют *функциональный и прагматический* аспекты первых опытов рецензирования.

Н.М. Карамзина-рецензента отличает оперативность отклика, а эстетические корни этой оперативности – в установке на непосредственную реакцию, связанную с центральной категорией сентиментализма – чувствительностью [19, с. 63]. В объявлении «Об издании “Московского журнала”», помещённом в № 89 «Московских ведомостей» от 6 ноября 1790 г., Карамзин отмечал, что содержанием журнала, наряду с «русскими сочинениями в стихах и прозе», «разными небольшими иностранными сочинениями в чистых переводах», станут *критические рассматривания* русских книг, вышедших и тех, которые впредь выходить будут, а особливо оригинальных; переводы, недостойные внимания публики, из сего исключаются. Хорошее и худое замечается будет

беспристрастно. Кто не признается, что до сего времени весьма не многие книги были у нас надлежащим образом критикованы» (Кр., с. 329).

Ю.М. Лотман уточнял: «При комментировании этого объявления обычно обращают внимание на злой выпад в адрес “теологических, мистических... пиес”, явно направленный против масонских изданий. Это справедливо и очень важно. Однако не менее важно перенестись в 1790-е годы, представить себе тогдашний ритуал литературных отношений и понять всю меру дерзости тона объявления в целом. Молодой и никому не известный литератор брался, полагаясь на свой собственный вкус, единовластно решать, что следует считать хорошим, а что дурным, утверждал, что критики до сих пор не было, и брался её создать» [20, с. 215]. Однако на практике Н.М. Карамзин придерживался принципов благожелательной, позитивной критики. У Николая Михайловича оценка «книги и сочинителей» основывалась на правиле «более хвалить достойные хвалы, нежели осуждать, что осудить можно», так как «только ум превосходный открывает бессмертные красоты в сочинениях». На этом основании сентименталистская критика разбирала только близкие ей по духу произведения, чтобы «ободрять» писателей вниманием, суждением, «исполненным доброжелательства» (Кр., с. 416).

Тем не менее и благожелательные рецензии на первых порах подвергались непониманию. В истории «Московского журнала» известен весьма примечательный эпизод⁷, имеющий прямое отношение к тому, как трудно в России складывался институт рецензирования. Б.Ф. Егоров справедливо отмечал: «Так уж повелось на Руси, что почти все критические жанры подвергались резким нападкам. Не избежал их и первый карамзинский жанр – монографическая рецензия» [11, с. 48]. Это был почти драматический момент, когда над критикой нависла реальная угроза.

В январском номере журнала за 1792 год в разделе «О русских книгах» появилась анонимная рецензия⁸, принадлежавшая сотруднику журнала В.С. Подшивалову, на перевод сочинения греческого писателя Палефата, сделанный Ф.О. Туманским. Критический отзыв Василия Сергеевича в «Московском журнале» был вполне корректным и по поставленным проблемам, стилю и тону напоминал рецензии самого Н.М. Карамзина. В статье указывались неточности перевода и комментария, произвольные толкования переводчиком некоторых мифов, лексические и грамматические ошибки. В заключительных словах рецензии прозвучало «чистосердечное» пожелание, чтобы «вкравшиеся в книгу сию погрешности были исправлены при втором издании» (МЖ1, с. 148).

На это выступление со стороны автора перевода последовал резкий и раздражительный ответ, напечатанный в следующем, февральском, номере под заглавием «О суждении книг». Статья Ф.О. Туманского опубликована Н.М. Карамзиным с замечанием: «Я с великим удовольствием помещаю оное, желая, чтобы критика и антикритика приносили пользу нашей литературе» (МЖ2, с. 278). Таким образом, издатель журнала дал выступлению Фёдора Осиповича жанровое определение «антикритика». Почти к каждой фразе в ответе переводчика

⁷ На него неоднократно ссылаются в научной литературе (см. [11, 21] и др.).

⁸ В традициях эпохи вплоть до начала XIX в. в рецензиях не было принято упоминать фамилию автора рецензируемого произведения, а также и самого рецензента.

Николай Михайлович дал свой комментарий, свою сноску. По точному выражению С.Б. Кохановой, «получилась своего рода дуэль»: на антикритику Ф.О. Туманского Н.М. Карамзин ответил своей критикой [21, с. 176].

Так, заявление Ф.О. Туманского «судей есть два рода: от власти определяемые и избираемые. Не принадлежащие к сим двум суть самозванцы. Не судите, да не судимы будете»⁹ Н.М. Карамзин сопровождает таким рассуждением: «Но неужели вы хотите, чтобы совсем не были критики? Что была немецкая литература за тридцать лет перед сим, и что она теперь? И не строгая ли критика произвела отчасти то, что немцы начали так хорошо писать?» (МЖ2, с. 277–278). На убеждение Фёдора Осиповича, что «собрание учёных, конечно, здравее судить может, нежели один человек, обуреваемый страстию гордости, самомнения, зависти и проч.», Николай Михайлович предлагает такой аргумент: «Целое общество не может писать рецензию на сочинение или перевод; пишет её всегда один человек, хотя и под именем общества» (МЖ2, с. 278–279).

Прозвучал в устах Ф.О. Туманского и ставший потом постоянным со стороны авторов упрёк в том, что «находить погрешности в сочинениях или переводах, конечно, легче, нежели сочинять или переводить, и охота к суждению трудов чуждых была всегда пищею мелких умов», на что Н.М. Карамзин даёт сразу два замечания: «Однако не всякий может находить их; для сего надобно иметь вкус и знания. <...> Лессинг, Мендельсон судили книги», но можно ли назвать их «мелкими умами?» (МЖ2, с. 281).

Возражения Ф.О. Туманского стали «как бы списком причин, мешающих становлению литературной критики». Он не признаёт за частными лицами «политического права на критическую деятельность» [10, с. 72]. «Частных людей суждения, в Газетах, Журналах и пр. сообщаемые, никогда от людей умных уважаемы не были: известно, что они за подарки истощевают все хвалы; по пристрастию, самолюбию, личной ссоре или зависти, выискивают все способы унижить труды чуждые» (МЖ2, с. 279). Явно преувеличивая негативный план рецензии, Ф.О. Туманский говорит: «Не может быть хорошее расположение сердца у того, кто бранит и прячется». Н.М. Карамзин так комментирует эти слова: «Это слишком сильно сказано. Мне кажется, что в рецензии нет брани. Справедливы или нет замечания Рецензента, но они касаются только до книги, а не до особы Господина Переводчика» (МЖ2, с. 282). Действительно, в самом тексте рецензии стилистика замечаний дана исключительно корректно, без использования иронии («Мы сомневаемся также и в справедливости сего замечания», «Не совсем справедливо кажется нам и то замечание» и т. д.). Совсем не обидно прозвучало и заключительное пожелание рецензии об исправлении ошибок при переиздании.

Предлагая всем желающим высказывать своё мнение о книгах в частных письмах авторам, Ф.О. Туманский, по существу, отрицал *публичный* характер критики как особого института общественного мнения, как выражение формирования литературного сознания и вкуса читателей. Известно, что победила

⁹ Апелляция Ф.О. Туманского к Высшему суду играет, как отмечал М. Левитт в связи с «Письмом...» В.К. Третьяковского к А.П. Сумарокову, двойную роль: и как «некое абсолютное нравственное мерило, и как идеал “несудебной”, неосуждающей критики» (то есть, по сути дела, отсутствия критики) [10, с. 70].

точка зрения Н.М. Карамзина, а не Ф.О. Туманского¹⁰. Рецензия полноправно закрепилась в русской критике. Но этот, казалось бы, частный спор на страницах журнала высвечивает, на наш взгляд, принципиальную особенность восприятия критики в России. Лингвокультурологические исследования концепта «критика» показывают достаточно плотную его языковую объективацию, что указывает на актуальность критики для русской лингвокультуры. В то же время в языковой семантике закрепилось представление о критике как о явлении, которое преимущественно связано с отрицательной оценкой и поиском недостатков.

Анализ семантики выявленных дериватов позволил установить отношение членов социума к данному явлению. В русском языке образовалось сложное слово *критикобоязнь*, в котором семантически закрепилось негативное отношение носителей языка к критике: критика не приветствуется, перед ней испытывают страх [22, с. 9–10]. Но поскольку концепт представляет собой комплексное ментальное образование, погружённое в языковую среду, то и отношение к критике характеризует ментальные свойства русской культуры. В этой связи актуально и наблюдение М.Ю. Берга: «Литературная полемика, как мы это видим до сих пор, легко перерастает в критику личного поведения автора. Это почитается (и почиталось) за незрелость русской критики, но на самом деле говорит о сохранении стереотипа, связывающего право на истину и её проповедь с личностью того, кому она доверена. И свидетельствует о том, что система традиционных легитимаций в культуре сохраняется» [23, с. 189].

На раннем этапе русской критики появляются и так называемые *контррецензии* – рецензии, которые писались в ответ на первые. Основой подобной формы было несогласие их авторов с теми или иными положениями, выдвигаемыми рецензентами. Примерами отзывов такого рода являются рецензии о М.В. Ломоносове, помещённые в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794). Автор первой рецензии «Нечто о Ломоносове» передаёт в основном своё впечатление от поэзии Михаила Васильевича, замечая при этом: «...взойдём мысленно к началу нашего столетия... Поэзия наша была тогда бедна... можно сказать, что Музы Российские ходили тогда в разодранном рубище и просили милостыни... надлежало родиться РОССИЙСКОМУ ПИНДАРУ. Он очистил, исправил, умножил, обогатил наш язык... и облек Российскую Поэзию в то сияние, которым она теперь блистает» [14, с. 5].

Второй отзыв, который называется «На Нечто о Ломоносове», адресован уже самому рецензенту. Автор его, именующий себя *Доброжелатель Российской Литературы*, восстаёт буквально против всех положений первой рецензии. Его возражения вызывают и манера письма рецензента, и то, как последний воспринял творчество М.В. Ломоносова. Так, говоря о метафорическом образе странствующих Муз, *Доброжелатель* язвительно замечает: «Это превосходит всю Мифологию. Ни один поэт, ни древний, ни новейший, не сказывал нам о том случившемся некогда с бессмертными несчастья. Прежде обыкновенно говорили, что Музы живут на Олимпе, так как богини, и что иногда из благосклонности

¹⁰ Но нужно учитывать, что Н.М. Карамзин чётко различал рецензию, предназначенную для печати, и отзыв о том или ином произведении в частном письме. Н.Д. Кочеткова приводит весьма характерный пример из писем Карамзина к И.И. Дмитриеву, в которых содержатся достаточно резкие и даже пренебрежительные отзывы об отдельных сочинениях [18, с. 137].

по выбору посещают Поэтов. Но, может быть, их излишняя скромность, или почтение к Музам, говорить всего не позволяло» [14, с. 6]. Нареканиям подвергается и оценка рецензентом следующих стихов Ломоносова: *Нам в оном ужасе казалось, / Что море в ярости своей / С пределами небес сражалось, / Земля стенала от зыбей.* И если у автора первой рецензии эти строки вызывают ощущение огня, живости и силы, то на его оппонента те же самые стихи производят совершенно иное впечатление: «Не всё, что составляет красоту какого-нибудь сочинения, нужно искать в стихах Ломоносова. Приведённые стихи, конечно, прекрасны, но нет в них того, что усердный Панегирист найти думает... Там одна господствующая страсть: ужас. – Предметы одного величественны и поражающи» [14, с. 6].

Этот пример несогласия одного критика с другим интересен тем, что он открывает новые возможности для развития жанра рецензии в целом. Уже в конце XVIII века рецензия становится не только тем жанром, в котором излагаются впечатления и мнения критиков о произведениях литературы, но и жанром, способствующим возникновению прямой, непосредственной полемики между авторами отзывов, основанной на реальных замечаниях и оценках.

Контррецензии представляют интерес и с другой стороны. Авторы их впервые активно употребляют в русском варианте и самый термин *рецензия*. Обычно критики использовали для своих отзывов другие наименования: *мнения, объявления, отзыв, примечание*. Чаще же всего перед критическим разбором какого-то произведения литературы ставилось просто: «О книгах», «О новых книгах», «О российских книгах». В словарях XVIII века слова *рецензия* ещё нет. Оно отсутствует и в таком обширном издании, как 6-томный «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789–1794), где собраны почти все термины, которыми оперировала литература и критика XVIII века.

Становление понятия *рецензирование* происходит в начале XIX в. Оно пришло в русскую литературу и критическую мысль вместе с переводами статей зарубежных авторов, посвящённых этому вопросу. В этот период рецензия становится предметом теоретических рефлексий: в журналах появляются статьи, выявляющие жанровую специфику рецензий, происходит самоопределение рецензии в ряду других жанров. Особенно следует выделить статьи А.А. Писарева в «Северном вестнике». В первом номере журнала за 1804 г. критик опубликовал статью «О рецензии», где, в частности, писал: «Рецензия есть оценка достоинству. Пренебрегать оною – значит ругаться над нею; бояться её – значит быть слабым. Чем более кто возвышен, тем более приметен. Надобно решиться вместе с выпадами сносить и неприятности <...>. Однако же Рецензия не всегда есть действие зависти; она нередко бывает делом правосудия, иногда уроком вкуса и всегда противится лести <...>. Лесть стоит близ достоинства, чтобы его истребить; Рецензия ободряет оное. Но что бы такое ни делала Рецензия, никогда не будет принята лучше лести <...>. Хвалить не без изытия, цензировать с благопристойностью, вот достоинство, вот долг периодического издателя, принявшего звание сколь трудное, столь и почтенное: судить своих сверстников и современников. Впрочем, он не должен полагаться на благодарность тех, которых более похвалял достоинства; но должен всегда ожидать негодование от тех, до которых касался хотя слегка <...>. Журналы объявляют, но не раздают

достоинства. Они собирают, но не составляют общественного мнения <...>. Я согласен, что в нынешнее время во зло употребляют рецензию, нередко даже употребляют её для оскорбления; но от сего нельзя ещё запретить её. По этому самому она может быть теперь нужнее, нежели когда-нибудь» (СВ1, с. 13–15). Видимо, в это время само слово *рецензия* было не всем понятно, и автор счёл нужным пояснить его специальным подстрочным примечанием: «По-русски можно сказать *разбор*» (СВ1, с. 12).

В статье «О критике» А.А. Писарев пытался дифференцировать понятия *рецензия* и *критика*. «...Критика, – писал он, – есть на доказательствах основанное рассмотрение какого бы то ни было сочинения, а рецензия есть сокращённое и ограниченное осуждение того, что противно истине, благопристойности или закону... Отвергать что-нибудь – значит рецензировать; доказать, что оно ложно – значит критиковать. <...> Рецензенту советуют быть умеренным; критику иметь вкус» (СВ2, с. 25–26). Таким образом, ещё в начале XIX в. сущность рецензии и критики заметно различались. Критика (причём как положительная, так и отрицательная) связывалась с обязательной доказательностью, а рецензия – с прямой оценочностью. Нельзя не заметить и того, что пока ещё происходит теоретическое смешение рецензии как *жанра*, хотя и находившегося в стадии зарождения, с критикой как особым *видом* литературно-публицистической деятельности.

В дальнейшем Писарев заговорил об общих задачах рецензии и критики: «Рецензию или критику пишут для любителей критики и желающих усовершенствовать свои дарования; следственно должно так оную и писать, чтобы её с удовольствием и с пользою сии люди читали. Для прочих же чтецов как ни напиши критику: дурно ли, хорошо ли, коротко ли, пространно ли, они её прочтут. Итак, лучше совсем не помещать рецензии или критики в свой журнал, или уже помещать оную как следует, то есть: для юных авторов, переводчиков и для всех любителей такого рода сочинений» (СВ3, с. 296).

Но с наибольшей определённостью Александр Александрович высказался о значении рецензии для литературного развития в другой статье – «Рассмотрение всех рецензий, помещённых в ежемесячном издании “Московский журнал”»: «Многие говорят, что рецензия отнимает охоту упражняться в сочинении или в переводе; и для того будто бы молодые писатели, боясь рецензии, пренебрегают своими дарованиями или употребляют их на маловажные произведения, не заслуживающие внимания. Напротив, кажется, рецензия ещё более поощряет упражняться в словесности... Многие ещё говорят, что как наша словесность едва вышла из колыбели, то не лучше ли дать ей время ещё развить, так сказать, свои способности. На это можно отвечать, что помощью спасительных советов рецензии словесность наша может скорее и надёжнее укрепляться при своём усовершенствовании; рецензия пролагает ей дорогу, по которой она смелыми шагами идёт к своей цели» (СВ4, с. 141–142).

Эта статья А.А. Писарева представляет интерес и с точки зрения тех требований, какие предъявлялись в то время рецензентам. Так, разбирая рецензию на «Театр чрезвычайных происшествий истекающего века», критик замечает: «Если книга весьма незанимательна и к тому же наполнена множеством ошибок во всех частях, в таком случае Рецензент имеет право не входить в подробности <...>».

Но нет надобности говорить: Сам Рецензент не прочёл и пяти страниц сей книги... Рецензент должен всю книгу прочесть, чтобы узнать её достоинство и чтобы своё суждение передать другим. Если же это в насмешку сказано, то Рецензия не терпит никакой насмешки» (СВ4, с. 151).

Журнал «Северный вестник» публикует и отклики на рецензии, которые интересны в *функциональном* аспекте. Например, в № 7 за 1804 г. появилось «Письмо к Издателю от неизвестного в рассуждении Рецензии Драмы: Рекрутский набор, помещённой в Патриоте»: «Зная беспристрастие и справедливость вашу, с каковым рассматриваете вы русские сочинения и судите о игре здешних актёров, сообщаю вам замечания мои на рецензию драмы: Рекрутский набор, г. Ильина, напечатанную в мае месяце Патриота <...>. Рассмотритель сочинения, какое бы оно ни было, исполняя дело сие, должен изыскивать в сочинении: имеет ли оно какую-нибудь цель? Каковы расположение и обработка его? – и на всё это должен сказать мнение своё решительно, без пристрастия и не касаясь личности. Такое рассмотрение или доставит сочинителю пользу, убедив его исправить ошибки, или докажет, что рассмотритель не знаток, если замечания его были несправедливы» (СВ5, с. 27). Далее в «Письме...» идёт подробный, почти построчный разбор рецензии, подобно тому, как сами рецензенты разбирали сочинения и переводы. Так, «на стр. 233. *Пример драматического писателя от Аристофана до Плавта, и от Мольера до Коцебу*, доказывает, что рассмотритель знает имена сих Сочинителей, а не показывает ошибок в драме г. Ильина, которые должен был показать именно сам рассмотритель. Если правила драматического сочинения строго требуют того, чтобы в драме не действовали люди простого состояния, *но были между главными лицами и образованные воспитанием* (стр. 234), то рассмотритель должен был сослаться прямо на правила сии, а не на сочинителя» (СВ5, с. 31).

Словарь Н.М. Яновского «Новый словотолкователь... содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно...» уже содержит статьи, посвящённые рецензированию. Так, к слову *рецензировать* даётся следующий комментарий: «Рассматривать книги и давать мнение своё об них, заслуживают ли они одобрение или хулу» (Я., с. 563–564). Более развёрнутый комментарий сопровождает слово *рецензия*: это «рассматривание книги, вновь вышедшей, и суждение об ней, хорошо ли она или худо написана, с показанием именно тех мест, где автор неправильно мыслит, и с опровержением оных. Но главнейшее дело рецензии есть осуждать в каком-либо сочинении то, что противно истине, благопристойности или закону, в отличие от критики, которая занимается рассмотрением, на доказательствах основанным» (Я., с. 563).

А статья *рецензент* содержит уже и перечень тех черт, какими должен обладать критик: «Тот, кто рассматривает книги и даёт мнение своё об них, одобряя их, или осуждая. Таковой человек, кроме природного здравого рассудка, должен иметь весьма хорошую память, многие знания в литературе и науках, наблюдать беспристрастие, скромность и благопристойность. Он не должен приступать к рассматриванию таких сочинений, о содержании которых он не имеет ясного понятия, и поэтому не в силах судить о совершенстве или недостатках оных;

а иначе подаст пример сделать о себе следующее невыгодное замечание *Si tacuisses, philosophus manisses*»¹¹ (Я., с. 563).

Итак, Н.М. Яновский видит основной смысл рецензии в том, чтобы подмечать достоинства и недостатки произведений. Кроме того, его слова о критике, «которая занимается рассмотрением, на доказательствах основанным», заставляют предполагать, что Николай Максимович считает главным качеством рецензии её краткость и эмоциональное восприятие художественных произведений, то есть именно те критерии, которые отличают почти все рецензии XVIII века. Таким образом, составленный на рубеже веков Н.М. Яновским словарь окончательно закрепляет то понимание терминов *рецензировать* и *рецензия*, которое было выработано русской литературной критикой XVIII века.

Начало XIX в. отмечено активизацией рецензентской деятельности, причины которой необходимо видеть в росте числа журналов, изданий новых русских и переводных произведений¹² и в целом в изменении институциональных основ русской литературы. Но в конечном счёте это связано и с общим процессом *эмансипации личности*. «Только развитая личность может осознать полноценность мнения, основанного на личном вкусе, и проявить терпимость к существованию других точек зрения» [25, с. 69]. Не случайно в эти годы журнал «Московский Меркурий» ратует за увеличение числа рецензий, осознавая при этом возникающие сложности (недостаток времени у рецензентов, малое число любителей критики). «Критиков-профессионалов в русской журналистике в этот период ещё нет. На издателей журналов падает порой непомерная нагрузка. “Мы выдали рецензию на 50 книг (не считая тех, которых поместили одни названия), и прочли, кроме журналов, 108 томов от первой страницы до последней”, – делится тяготами своего труда издатель “Московского Меркурия”» [25, с. 84]. В рецензии на «Сочинения и переводы И. Дмитриева» отмечалось: «Для пользы нашей Литературы надлежало бы рассмотреть все лучшие пьесы г. Дмитриева, каждую особливо. Но люди, которые пишут на срок, и в течение года обязаны говорить по крайней мере о 60-ти книгах, могут ли долго останавливаться на одной из них? Сверх того и пределы сего журнала не позволяют учёных диссертаций. Любителей критики немного; а прочие будут недовольны, если наполнить книжку содержимым такого рода» (ММ1, с. 63).

На страницах «Московского Меркурия» мы встречаемся и с такой формой, как *диалог рецензента и автора*. В рецензии на «Путешествия в Малороссии, изданные кн. П. Шаликовым» прозвучало обращение к Автору: «...приняв должность критиков, мы поставили себе в необходимость быть *педантами*. Если верить, что ум и сердце писателей всегда, как в зеркале, изображается под их пером, то мы имеем все причины думать о Сочинителе Путешествия в Малороссию, что он не враг критики благонамеренной, и следственно не оскорбится *нашею*. Чем лучше сочинение, тем подробнее надобно рассматривать, тем строже надобно судить его: дурное не заслуживает более двух или трёх слов решительных» (ММ2, с. 118). Далее в рецензии следовало указание на некоторые недостатки

¹¹ Если ли бы ты молчал, то, может быть, слыл бы учёным человеком (лат.).

¹² Этот процесс начался при Екатерине II: «С Екатериной и по её прямому законоположению в России начинается свободный книжный рынок – рынок, зиждущийся на частнокоммерческом, “вольном” книгоиздании в противовес прежним “казённым” типографиям» [24, с. 150].

талантливое сочинения и в заключении содержалось ободряющее пожелание автору, чтобы «он обрабатывал сочинения свои несколько прилежнее – и не лишал читателей полного удовольствия, которого они могут надеяться от его таланта» (ММ2, с. 118).

В № 9 последовал ответ автора: «...сердце моё начало биться namного сильнее обыкновенного – и я с скоростию нетерпения прочитал в первый раз статьи сии, в другой и третий гораздо тише, гораздо внимательнее. <...> Однако же г. Рецензент утешил меня совершенно, предполагая, что я не *враг* критики *благонамеренной*: ничего нет вернее. Только такая критика, по моему мнению, может сделать *ученика* (разумеется, с талантом) мастером... и для того я бы желал, чтобы яснее, подробнее открыли мне, как сближаться с *совершенством*» (ММ3, с. 174). Не согласившись с некоторыми замечаниями рецензента, автор тем не менее выражает ему признательность за высокую оценку таланта.

В эти годы журналы начинают проводить более свободный взгляд на право критика иметь индивидуальную позицию. Таковы рецензии в журнале «Цветник». По мнению А.В. Архиповой, «отказ критиков от благопристойности, требуемой поначалу от каждого критического выступления, объясним желанием вызвать живой интерес у широкого круга читателей» [26, с. 164]. Но характерно, что постепенно эта тенденция проявляется и в провинциальной критике.

С 1811 г. стала выходить газета «Казанские известия» (современные историки печати характеризуют её как первую провинциальную газету в России и первое периодическое издание Казанского университета; до 1820 г. выпускалась 1 раз в неделю). В ней помещались в том числе статьи и заметки по вопросам литературы. Любопытна заметка «Несколько слов о книге: образцовые сочинения в прозе знаменитых древних и новых писателей. Издание А. Воейкова». Признавая авторитет Петербурга и Москвы в вопросах науки и словесности для жителей провинции, рецензент выражает необходимость и для провинциальной прессы проведения свободного, независимого от столиц мнения: «Но ныне, благодаря мудрое правление царствующего в России Монарха, желающего водворить *свет и в хижинах*, ныне и мы, провинциалы, оставляем старинную привычку к подражанию и начинаем мыслить и судить. <...> Какая дерзость! Скажут наши читатели; можно ли восставать на г. Воейкова? Неужели вы, гг. рецензенты, не читали его критик, помещённых в “Вестнике Европы”? Неужели вы не знаете, как г. Воейков защищает даже и чужие книги? Всё это нам известно, милостивые государи, и при всём том мы намерены сказать своё мнение об издании г. Воейкова. Если мы ошибёмся, г. Воейков покажет нам ошибки наши, если мы скажем правду: от г. Воейкова будет зависеть, воспользоваться ли ею, Русская Словесность выиграет и в этом и в другом случае» (КИ, с. 2–3). Подтверждая свою позицию, рецензент подвергает сочинение обстоятельному анализу и везде усматривает «неполноту»: «...Собрание г. Воейкова не соответствует своему названию, да и едва ли может быть соответствующая оному книга: ибо сколь необъятно должно быть сочинение, в котором надлежит поместить образцовые сочинения в прозе древних и новых писателей... Как же мы назовём его? Собранием *некоторых* отрывков, взятых из *некоторых* писателей» (КИ, с. 5).

Вместе с тем общее количество рецензий в журналах начала XIX в., в сравнении с последующими этапами русской критики, невелико. Нельзя ещё говорить о системе регулярного рецензирования литературных произведений. Нередко, например, номера журналов выходили вообще без рецензий. В то же время последние десятилетия XVIII – начало XIX в. – период необычайно важный. Мы рассмотрели его обзорно как предварительный в становлении института критики и системы рецензирования. В это время рецензия зарождается, происходит осознание важности и необходимости этого критического жанра для авторов и читателей, для развития литературы в целом, рецензия самоопределяется в ряду других жанров, закладывается её первоначальная теория.

Summary

V.N. Krylov. Formation of the Institution of Reviewing in Russian Criticism (Second Half of the 18th – Early 19th Centuries).

The article concentrates on the origin of the genre of review in Russian criticism. In contrast to other studies on this topic that have existed in the history of criticism and journalism, this paper highlights the functional and pragmatic aspects of the first experiences in reviewing. The analysis is devoted to such issues as the formation of the institution of literature, the development of journalism, the status of the writer, and the democratization of artistic consciousness. The paper reveals that the period from the second half of the 18th till the early 19th century was marked by the recognition of the importance of the genre for literature development, the formation of the reader's taste, and the foundation of the theory of reviewing. At the same time, the pragmatics of the genre has long retained the rejection of critical evaluation. As a result of the research, the evolution of the genre of review in the history of Russian literature and journalism is retraced.

Keywords: history of Russian criticism, journals, review, sentimentalism, institution of literature, M. Lomonosov, N. Karamzin.

Источники

- РЛК – Русская литературная критика XVIII века. Сб. текстов. – М.: Сов. Россия, 1978. – 400 с.
- ВВ1 – Всякая всячина. – 1769. – № 5.
- ВВ2 – Всякая всячина. – 1769. – № 16.
- ВВ3 – Всякая всячина. – 1769. – № 15.
- СПВ1 – Санкт-Петербургский вестник. – 1778. – № 1.
- СПВ2 – Санкт-Петербургский вестник. – 1779. – № 3.
- СПВ3 – Санкт-Петербургский вестник. – 1781. – № 7.
- СПВ4 – Санкт-Петербургский вестник. – 1778. – № 2.
- Кр. – Критика XVIII века. – М.: Олимп; АСТ, 2002. – 439 с.
- МЖ1 – Московский журнал. – 1792. – Ч. 5, кн. 1.
- МЖ2 – Московский журнал. – 1792. – Ч. 5, кн. 2.
- СВ1 – Северный вестник. – 1804. – № 1.
- СВ2 – Северный вестник. – 1804. – № 4.
- СВ3 – Северный вестник. – 1804. – № 9.
- СВ4 – Северный вестник. – 1804. – № 8.
- СВ5 – Северный вестник. – 1804. – № 7.

ММ1 – Московский Меркурий. – 1803. – № 10.

ММ2 – Московский Меркурий. – 1803. – № 5.

ММ3 – Московский Меркурий. – 1803. – № 9.

Я. – Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...: в 3 ч. – Ч. 3. – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1806.

КИ – Казанские известия. – 1812. – 17 февр. – № 7.

Литература

1. Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов // *Russian Literature*. – 1992. – V. XXXI. – P. 193–272.
2. Современная западная социология. Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
3. Живов В. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // *Новое лит. обозрение*. – 1997. – № 25. – С. 24–83.
4. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. – М.: РГГУ, 1998. – 78 с.
5. Дубин Б.В. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы // *Новое лит. обозрение*. – 2002. – № 5 (57). – С. 6–23.
6. *Venjamin W. Der Begriff der Kunstkritik in der deutschen Romantik*. – Bern: Verlag A. Francke, 1920. – 118 S.
7. Громов Е.С. Критическая мысль в русской художественной культуре: историко-теоретические очерки. – М.: Индрик; Летний сад, 2001. – 248 с.
8. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 430 с.
9. Степанов В.П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // *Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном тексте (XVIII век. Сб. 14)*. – Л.: Наука, 1983. – С. 105–120.
10. Левитт М. Пасквиль, полемика, критика: «Письмо... писанное от приятеля к приятелю» (1750) Тредиаковского и проблема создания русской литературной критики // XVIII век. Сб. 21. Памяти П.Н. Беркова. – СПб.: Наука, 1999. – С. 62–72.
11. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. – Л.: Сов. писатель, 1980. – 318 с.
12. Стенник Ю.В. Литературная критика периода классицизма (1740–1770-е гг.) // *Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX в.* – СПб.: Наука, 1999. – С. 37–94.
13. Гуковский Г.А. Русская литературно-критическая мысль в 1730–1750-е годы // XVIII век. Сб. 5. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 98–128.
14. Петрушкова В.В. Развитие жанра рецензии в критике XVIII века // *Проблема жанра*. – Душанбе: Душанб. ГПИ, 1984. – С. 3–8.
15. Шильникова О.Г. Рецензионные и библиографические материалы как тип журнальных публикаций (статья первая) // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика*. – 2008. – № 2. – С. 234–239.
16. Стенник Ю.В. Новые веяния критической мысли (конец 1770-х – начало 1780-х гг.) // *Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. – Т. 1: XVIII – первая четверть XIX в.* – СПб.: Наука, 1999. – С. 95–119.

17. *Серман И.З.* Ф. Богданович – журналист и критик // XVIII век. Сб. 4. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 85–103.
18. *Кочеткова Н.Д.* Критика 1780–1790-х гг. // Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX в. – СПб.: Наука, 1999. – С. 120–152.
19. *Куляпин А.И.* Эстетический кодекс русской критики второй половины XVIII – начала XIX века // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. – С. 59–68.
20. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – М.: Мол. гвардия, 1998. – 383 с.
21. *Коханова С.Б.* Н.М. Карамзин – литературный критик: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 284 с.
22. *Гаврилова Н.В.* Лингвокультурный концепт «критика» и его функционирование в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 18 с.
23. *Берг М.Ю.* Литературократия. Проблемы присвоения и перераспределения власти в литературе. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 352 с.
24. *Никуличев Ю.* Воцарённое слово: Екатерина II и литература её времени // Вопр. литературы. – 2000. – № 1. – С. 132–160.
25. *Куляпин А.И.* Жанрово-стилевое своеобразие русской литературной критики 1800-х годов // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. – С. 68–85.
26. *Архипова А.В.* Предромантические тенденции в критике 1800–1810-х гг. // Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX в. – СПб.: Наука, 1999. – С. 153–193.

Поступила в редакцию
11.04.14

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: krylov77@list.ru